

НАЗАРОВ И. В. К вопросу о пределах хозяйственного преобразования мира («Философия хозяйства» С. Н. Булгакова)

В своей известной работе «Философия хозяйства» С. Н. Булгаков с нехарактерной для экономиста прямоотой пишет о том, что «наше время понимает, чувствует, переживает мир как хозяйство»[\[1\]](#). С одной стороны, человечество одерживает над природой ошеломляющие победы, мир становится пластичным, а вещи в нем – сверхтекучими, они меняют форму под давлением воли хозяйственного субъекта, так что начинает казаться: в экономике человек может все. Но, с другой стороны, нарастающая хозяйственная мощь не приносит ему освобождения, и, более того, вовлеченность человека в экономические процессы усиливается, нависая над иными измерениями его свободы. «Человек в хозяйстве побеждает и покоряет природу, но, вместе с тем, побеждается этой победой и все больше чувствует себя невольником хозяйства, – говорил С. Н. Булгаков в речи на докторском диспуте. – Вырастают крылья, но и тяжелеют оковы. И это противоречие, разъедающее душу человека, заставляет его сосредоточеннее задуматься над вопросом о природе хозяйства»[\[2\]](#). И трезвый ум С.Н.Булгакова, не поддаваясь всеобщей загипнотизированности экономическими победами человечества, настойчиво пытался отыскать онтологические «корни» хозяйственной деятельности, точно ставя вопросы,

по широте заложенных в них обобщений намного превосходившие горизонт классической политэкономии. Что есть хозяйство? Где пролегает граница между хозяйственными и нехозяйственными процессами? Существуют ли объективно заданные пределы хозяйственного преобразования человеком мира и самого себя? В ходе продумывания ответов рождалось новое направление гуманитарной мысли – философия хозяйства. Рассмотрим же ответы самого С. Н. Булгакова на эти предельно общие вопрошания о хозяйстве и попытаемся высказать некоторые оценки по ним с позиций Православного вероучения.

Отвечая на первый из приведенных выше вопросов, С. Н. Булгаков в качестве главного признака, определяющего хозяйство, считал «трудовое воспроизведение или завоевание жизненных благ, материальных или духовных, в противоположность даровому их получению»[\[3\]](#). Сам труд, при этом, был определен им предельно общо «как актуальность, как действенная воля, как активный выход из себя»[\[4\]](#) и затем в терминах субъект-объектных отношений он был назван им «живой связью между субъектом и объектом, мостом, выводящим я в мир реальностей и неразрывно соединяющим его с этим миром...»[\[5\]](#) Исходя из этого, мыслитель оспаривал изыскания классической школы политической экономии по поводу разделения производительного и непроизводительного труда и считал хозяйственным любой процесс, где субъект активно выходит из себя и вторгается в объективную реальность – изменяет ли он ее вещественную сторону, или познает, трудится ли над внешним предметом, или над своими собственными сознанием и телом: «хозяйство, по существу, включает в себя человеческий труд во всех его применениях, от чернорабочего до Канта, от пахаря до звездочета»[\[6\]](#).

Но при всей своей кажущейся вездесущности хозяйство, в понимании Булгакова, тем не менее, не пронизывает мироздание насквозь, до дна. Оно имеет определенную «слойность», проникает в сущее на определенную глубину, под которой, согласно его учению, располагается софийная основа мира – царство задуманных Богом-Творцом процессов, как бы наполняющих хозяйство изнутри и составляющих спонтанный, естественный фундамент, на который опирается любое хозяйственное усилие человека. Итак, любое хозяйственное действие «скользит» поверх того, что нехозяйственно, нерукотворно и без этого последнего – невозможно: «хозяйству, как

трудовому воспроизведению и расширению жизни, противоположна *природа*, как совокупность даровых (для человека) «естественных» сил жизни и ее роста. Не хозяйственным актом рождается человек, развивается в утробе матери и растет после рождения, укрепляясь в своих физических и духовных силах, осознавая в себе силы духа. Не хозяйством совершаются всевозможные процессы в природе, не хозяйством, наконец, создана эта вселенная. Напротив, лишь наличность ее и обуславливает как субъективную, так и объективную возможность хозяйства, и способность к труду, и возможность труда»[7].

Но если мир полон задуманных Творцом, софийных в своей основе процессов, то зачем же нужна их хозяйственная «коррекция» со стороны человека и до какой глубины она возможна? Для того чтобы прояснить ответ С. Н. Булгакова на эти вопросы, необходимо глубже коснуться его софиологии и связанной с ней космогонии. Ученый видит мир как «художественное воспроизведение предвечных идей, которые в своей совокупности образуют идеальный организм, Божественную Софию, ту Премудрость, которая была пред Богом при сотворении мира и радость которой «с сынами человеческими»[8]. Существующие в Премудрости Божией идеи представляют, по Булгакову, всеобщие родовые образцы, как бы идеальные «матрицы», задающие существенные очертания всех тварных форм. Совокупность софийных идей *natura naturans* образует органическую иерархию, центральное место в которой занимает идея человека. Творение мира представляется Булгакову как погружение Божественной Софии в ничто, укон – своего рода онтологический вакуум, полагаемый Богом вне Себя. Вследствие оплодотворенности софийными идеями, укон превращается в меон, материю, чреватую потенциями возникновения всех космических форм[9].

Поначалу хозяйственное отношение человека к остальной твари в качестве владыки мира носило чисто творческий, любовный характер, свершаясь во исполнение заповедей Божиих – возделывания Эдемского сада (Бытие, 2, 19-20). Этот труд не был подневольным трудом «в поте лица» подобно нынешнему, ибо в нем отсутствовал момент необходимости борьбы за физическое выживание. Необходимость хозяйства в его нынешнем, болезненном для человека виде, когда враждебная природа угрожает ему смертью, выступающей в обличьях голода, холода, эпидемий и т.п.,

перманентное хозяйственное рабство человека у слепых сил природы С. Н. Булгаков как христианский мыслитель выводит из грехопадения Адама и Евы. Однако он дает факту грехопадения и его последствиям свою, софиологическую трактовку. Поскольку идея человека стоит на вершине иерархии идей космического бытия, то в результате нарушения праотцами Божией заповеди – неверного разворота человеческой свободной воли, весь космос «смещается» относительно своего разумного софийного основания (*natura naturans*) и частично мертвеет, ибо первичное ничто, уклон, «прослоившее» бытие тварных форм, «вырывается из мирового подполья» и как бы плотнее облегает, стискивает, деформирует их. Вследствие этого, природа частично омертвеет в своей изнанке, становится неконгруэнтной человеку (и его потребностям), механичной и хаотичной – превращается в *natura naturata*. Но в сущности своей и человек, и природа остаются, по мнению С. Н. Булгакова, неповрежденными, ибо повредить Божественные идеи, первообразы твари и самого себя, человек в своей свободе не властен. «Небо», мир умопостигаемый, нетленный и вечный, пребывает в недостижимой для греха области, превыше всякого бытия, и софийными лучами, бытийными своим энергиями, связывает его, спасает от распыления, сохраняет от всегубительных войн свирепствующего хаоса – ничто. Грехопадение произошло лишь в *низшем* центре софийной жизни, в творении с его онтологическим центром – человеком», [10]– писал С. Н. Булгаков в работе «Свет Невечерний».

Итак, человек в своем нынешнем, эмпирическом существовании весьма страдает в обстоянии поврежденного в своей изнанке, но, в сущности, по-прежнему добротного мира. Таким образом, хозяйство, по С. Н. Булгакову, есть проникновение человеческой воли как раз в эту поврежденную грехопадением изнанку сущего, есть цепь попыток снять налет смерти, небытия с софийной в своей сущности твари, вернуть последнюю в состояние соответствия ее софийной основе. Именно поэтому, хозяйственное творчество не содержит, по мнению Булгакова, ничего метафизически нового – все цели, которые ставит в нем человек, есть проступившие в его сознании софийные образцы, в соответствие с которыми он и приводит реальные вещи и процессы в эмпирическом мире *natura naturata*.

Подобный подход был революционным для политической экономики, изначально выроставшей из философии просвещения, и по сути

принимавшей за игру слепых случайностей и гармонию мироздания, и хозяйственную деятельность человека в нем. Вернуть в методологический «генофонд» экономической теории категорию творения, показать, что в основе поразительной целесообразности тварных форм и их согласованности лежат Божественные первообразы, которыми Творец вызвал их к бытию, и которые обуславливают саму возможность жизни и хозяйства, но, с другой стороны, ограничивают хозяйственный производ человек – все это было ответственным и смелым шагом С. Н. Булгакова, раскрывшим перед экономической наукой колоссальные горизонты.

Но рассмотренный с последовательно православных позиций ход мыслей ученого содержит существенные изъяны, связанные с его софиологической теорией. Последнее касается, прежде всего, булгаковской концепции творения, понимаемого как непосредственное погружение Божественных идей в небытие (укон), превращаемый тем самым в материю (меон) – праматерь всего разнообразия космических форм. Этим Булгаков фактически утверждал, что Творец и тварь имеют нечто существенно общее – панорганизм софийных первообразов, которые есть и в Боге и одновременно же составляют основу мироздания. Подобное толкование творения не является ни православным, ни вообще христианским, ибо тяготеет к пантеизму, исходившему из одноприродности Бога и мира. Христианское учение о творении мира «из ничего» (*ex nihilo*) не предполагает, что это «ничто» можно как-то мыслить, при помощи этого выражения просто проводится мысль, что Бог творит мир с абсолютного нуля, не используя при этом никакого «ресурса», в том числе и взятого из Своей Собственной Природы. Тварный космос возникает, не имея никаких оснований своего бытия, кроме воли Творца, как нечто автономное, абсолютно иноприродное Богу. И сущности наполняющих мироздание форм не совпадают с Божественными «первообразами», а есть лишь «отголоски», подобия их. Как писал выдающийся православный богослов XX века протоиерей Георгий Флоровский: «Тварные существа суть иноприродные образы и подобия Божественных идей, которым они причастны... В творении изводится из несущих новая реальность, которая становится носителем Божественной идеи, и осуществить ее должна в своем собственном становлении... Надлежит со всей строгостью различать тварное ядро вещей от Божественной идеи о вещах»[\[11\]](#).

Отсутствие онтологической дистанции между Божественными первообразами космических форм и их тварными сущностями в софиологии С. Н. Булгакова не позволило ему должным образом ощутить глубину и трагичность категории свободы и, в частности, правильно оценить масштабы творческой свободы человека в хозяйственном преобразовании мира. Мыслитель был совершенно прав, когда, исходя из непреложных христианских истин, писал об ограниченности хозяйственных притязаний архитектурной творения, незыблемыми для человека законами, установленными Творцом. Несомненным вкладом С. Н. Булгакова в философию хозяйства являются три великих невозможности, лимитирующие экономическую мощь человека, сформулированные им в работах «Философия хозяйства» и «Свет Невечерний»: 1) невозможность творить «из ничего»; 2) невозможность творить новую жизнь; 3) невозможность воскрешать жизнь угасшую. Все эти три великих предела вытекали из понимания ограниченности человека как тварного существа, неспособного по своим хозяйственным возможностям стать вровень с Творцом. И если первая невозможность сейчас мало кем оспаривается, то вторая и третья не являются барьерами для некоторых секулярных умов, вынашивающих «проекты» очередных Вавилонских башен, типа клонирования, расшифровки генома человека и т.п. Очень трудно убедить зачарованных прогрессом людей в конечной тщетности этих утопических проектов, какими бы многообещающими они поначалу ни казались, ибо, по сути, эти проекты вторгаются в область теургии, и любой человек, дерзнувший на подобное, будет посрамлен. Даже самому С. Н. Булгакову довелось пройти через еще ощутимые в «Философии хозяйства» колебания по поводу проекта трудового воскрешения мертвых Н. Ф. Федорова, прежде чем в «Свете Невечернем» этот проект был им окончательно отвергнут как попытка заменить творческий акт Божиего всемогущества хозяйственно-магическим усилием человека^[12]. Этим С. Н. Булгаков теоретически исповедал исключительность Пасхальной Победы Господа нашего Иисуса Христа над смертью, Который Один может излить в души усопших силы, способные оживотворить их тела.

Но, возвращаясь к недооценке С. Н. Булгаковым человеческой свободы, вытекающей из софиологической тенденции видеть Божественные первообразы в тварном бытии, необходимо заметить следующее. Согласно Булгакову, грехопадение праотцев (трактуемое неправославно, ибо он наделял ничто, уклон, небытие некой отрицательной реальностью,

проявлявшейся в способности хаотизировать космос, в то время как последовательно христианская традиция видит в ничто лишь полный онтологический нуль) активизировало первичное ничто, которое деформировало единичную, акцидентальную изнанку человека и иных космических форм, не затрагивая их Божественно-софийной основы. Вследствие этого, история человечества мыслилась им в терминах метафизической «статики»: хозяйствующим субъектам оставалось лишь воздействовать на деформированную «изнанку» творения, «подгоняя» ее до соответствия заложенным на уровне сущностей софийным образцам. «Человеческое творчество не содержит поэтому в себе ничего *метафизически нового*, оно лишь воспроизводит и воссоздает из имеющихся, созданных уже элементов и по вновь необходимым, воссоздаваемым, но также наперед данным «образцам»,^[13] – писал С. Н. Булгаков в «Философии хозяйства». Что касается неспособности человека творить, не опираясь на уже сотворенный Богом «ресурс», существующий в виде созданных уже элементов – это неоспоримо, но, что касается ограниченности человеческих возможностей лишь воспроизведением наперед заданных Божественных образцов, то такое утверждение весьма и весьма спорно, ибо оно лишает категорию свободы той колоссальной, подчас страшной многомерности, которую вложил в нее Творец, а, следовательно, умаляет и меру ответственности человека. Разве могли содержаться в замысленных Богом образцах такие «памятники» хозяйственной фантазии человечества, как ядерное оружие или трансгенные мутанты живых организмов? Не свидетельствует ли факт смертности человека, равно как и наличие болезней, связанных с повреждением генетического кода организма на клеточном уровне, что вследствие грехопадения как просчета человеческой воли зло проникло не только в изнанку, но и исказило саму сущность человеческого существа? Все эти вопросы, неразрешимые в рамках софиологической статики, очень серьезны и требуют напряженного обсуждения. Перспективу же для него задает православное понимание взаимоотношений Творца и творения, в котором сущности тварных форм видятся лишь как отпечатки Божественных первообразов, всегда остающихся в Боге трансцендентными для твари.

В Замысле Божиим о твари, обращенном к человеку как свободному существу, для него «поставлено сверхприродное задание, задание свободного и в свободе утвержденного причастия и общения с Богом. Это

задание превышает тварное естество, но только в исполнении его самое естество раскрывается в полноте, – писал о сверхприродной, сверхъестественной и, стало быть, сверх-хозяйственной задаче человека о. Георгий Флоровский. – ...В этом тварном становлении сбывается небывшее, возникает новое – самоизваяние твари по Божественному заданию»[\[14\]](#). Приближение человека к Богу и его обогащение Божественными энергиями происходит за пределами хозяйства в ограде Церкви Христовой и есть таинство синергии – встречного движения двух свободных волений – Божественного и человеческого. Но человек совершает свой путь в обстании других тварных форм, за каждой из которых стоит Замысел Творца, и потому каждое хозяйственное касание их, каждый хозяйственный жест обретает для нас особый вес, либо положительный, либо отрицательный. Следует помнить, что это – свободный жест. И Творец, замысливший мироздание и человека в нем именно такими, как они есть, отнюдь не «вживляет» в тварь свои первообразы, которые «страховали» бы историю от возможных «провалов» свободной воли. Божественные идеи тварных форм остаются вне их реального существования, как их истины или энтелехии, и на долю человека выпадает – либо приблизить их к этой истине хозяйственным усилием, либо отклонить от нее воплощением не укорененных в Божием Замысле собственных фантазмов. Думается, эта амплитуда колеблющегося между добром и злом хозяйственного деяния намного превышает указанную С. Н. Булгаковым. Однако контуры проблемы здесь только намечены и вопрос о пределах хозяйственной свободы человека требует своего дальнейшего обсуждения.

Примечания

[\[1\]](#) Булгаков С.Н. Философия хозяйства //Булгаков С.Н. Соч. в 2-х томах. – Т.1. – М.: «Наука», 1993. – С. 54.

[\[2\]](#) Там же. – С. 299.

[\[3\]](#) Там же. – С.87.

[\[4\]](#) Там же. – С. 88.

[\[5\]](#) Там же. – С. 126.

[6] Там же. – С. 87.

[7] Там же. – С. 88.

[8] Там же. – С. 149.

[9] Булгаков С.Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – С.162 – 163.

[10] Там же. – С. 228.

[11] Флоровский Г., прот. Тварь и тварность //Флоровский Г., прот. Догмат и история. – М.: Изд-во Свято-Владимирского Братства, 1998. – С. 128 – 129.

[12] См.: Булгаков С. Н. Свет Невечерний: Созерцания и умозрения. – С. 310 – 311.

[13] Булгаков С. Н. Философия хозяйства – С. 159.

[14]Флоровский Г., прот. Тварь и тварность. – С. 145.

Статья опубликована в: Назаров И. В. К вопросу о пределах хозяйственного преобразования мира («Философия хозяйства» С. Н. Булгакова) // Илья Назаров // Философия хозяйства. Альманах Центра общественных наук и экономического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. – М., 2004. – №3(33). – С.235-242.